

УДК 821.161.1-32(Горький М.)+821.161.1-31(Водолазкин Е. Г.). DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-122-128.
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,444+Ш33(2Рос=Рус)64-8,444.
ГРНТИ 17.07.25. Код ВАК 5.9.1

НОМО TRADITOR В РАССКАЗЕ М. ГОРЬКОГО «КАРАМОРА» И РОМАНЕ ЕВГ. ВОДОЛАЗКИНА «ЧАГИН»

Снигирева Т. А.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3795-963X>
SPIN-код: 9704-6517

А н н о т а ц и я . В статье осуществлен сопоставительный анализ художественных концепций «человека предающего» на материале рассказа М. Горького «Карамора» и романа Евг. Водолазкина «Чагин». Обнаружена система совпадений в анализе писателями феномена homo traditor: открытая декларация реальных прототипов героев, сходство проблемно-тематического комплекса рассказа и романа, присутствие социально-политического контекста, характеризующегося временем турбулентности, подчинение сюжета скрупулезному исследованию причин того, что толкает человека стать осведомителем. Показано, что в обоих произведениях феномен предательства связан с мотивами игры, двойничества, недоверности реальности, мистификации, одинаков избранный способ организации повествования: писатели конструируют текст по принципу потока чужого сознания. При всей проблемно-тематической и сюжетно-композиционной сопоставимости избранных произведений анализ авторской позиции приводит к выводу о том, что в оценке сути доносительства авторы XX и XXI веков демонстрируют знаковые для смены эпох различия. В центре внимания М. Горького – теория подлости и ее этической несостоятельности, Евг. Водолазкина – мысль о грехе, пути искупления и возможности прощения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Горький; рассказы 1922–1924 гг.; «Карамора»; Водолазкин; «Чагин»; психология предательства; повествовательная структура; двойничество; авторская оценка

Д л я ц и т и р о в а н и я : Снигирева, Т. А. Homo traditor в рассказе М. Горького «Карамора» и романе Евг. Водолазкина «Чагин» / Т. А. Снигирева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 122–128. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-122-128.

НОМО TRADITOR IN M. GORKY'S SHORT STORY "KARAMORA" AND EVG. VODOLAZKIN'S NOVEL "CHAGIN"

Tatyana A. Snigireva

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
The Institute of History and Archaeology, Ural branch of Russian Scientific Academy (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3795-963X>

A b s t r a c t . The article carries out a comparative analysis of the artistic concepts of the “homo traditor” (man traitor) on the material of Maxim Gorky's short story “Karamora” and Evgeny Vodolazkin's novel “Chagin”. It reveals a system of matches in the writers' analysis of the homo traditor phenomenon such as: the open declaration of the characters' real prototypes, the similarity of the short story and novel problem-thematic complex, the presence of the socio-political context characterized by the turbulent time, and the subjection of the plot to the scrupulous investigation of the reasons that push a man to become an informer. It is shown that in both works the phenomenon of betrayal is linked to the motifs of play, duplicity, unreliability of reality, and mystification; and the chosen method of narrative organization is the same: the writers construct the text according to the principle of the stream of consciousness of other people. Despite the problem-thematic and plot-compositional comparability of the works selected, the analysis of the author's position has led to the conclusion that in assessing the essence of snitching, the authors of the 20th and 21st centuries demonstrate differences that are significant for different epochs. While Gorky focuses on the theory of meanness and its ethical failure, Vodolazkin centers on the idea of sin, the path of redemption and the possibility of forgiveness.

Key words : Gorky; short stories of 1922–1924; *Karamora*; Vodolazkin; *Chagin*; psychology of betrayal; narrative structure; duplicity; author's assessment

For citation : Snigireva, T. A. (2025). Homo Traditor in M. Gorky's Short Story “Karamora” and Evg. Vodolazkin's Novel “Chagin”. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 122–128. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-122-128.

Временной промежуток между появлением в печати «Караморы» и «Чагина» – сто лет. Рассказ Горького был опубликован в журнале «Беседа» в 1924 году и позже непременно занимал центральное место в книге «Рассказы 1922–1924 гг.». Роман Евг. Водолазкина опубликован в 2022 году, в 2023 году стал лауреатом национальной литературной премии «Большая книга». В центре обоих произведений – предатель, иначе – доносчик, провока-

тор, сексот, стукач. Обращение к теме предательства и психологии Homo traditor – один из устойчивых сюжетов литературы, но каждая эпоха, при всей традиционности постановки проблемы психологии человека предающего, решает ее с определенными корректировками, связанными и с авторской индивидуальной позицией писателя, и с тем этическим уровнем, который свойственен времени. Сходство рассказа М. Горького и романа

Евг. Водолазкина несомненно и обнаруживает себя во многих аспектах.

Прежде всего, оба писателя открыто говорят о реальных прототипах своих героев. М. Горький в письме к Ромену Роллану пишет, что «при работе над этим рассказом ему вспоминались провокаторы, которых он встречал: М. Горович, Е. Азеф и другие» [Горький 1952: 594]. Евг. Водолазкин также указывает на конкретный прототип своего героя, который соотносится не по линии предательства, как у Горького, но связан с особым даром. Речь идет о Соломоне Шерешевском, уникальность которого описана в работе А. Лурия «Маленькая книга о большой памяти». Однако, по версии Евг. Водолазкина, именно уникальный дар запоминания, в высшей степени свойственный его вымышленному герою, стал причиной предательства, поскольку с неизбежной закономерностью привлек внимание к Исидору Чагину сотрудников известного ведомства, в романе названного Центральной городской библиотекой.

Совпадение двух произведений, разделенных столетием, не ограничивается фактографическим принципом выбора героя. Схож проблемно-мотивный комплекс рассказа и романа, связанный с интересом авторов к «хитро сплетенным судьбам» (М. Горький). По точному замечанию С. Сухих, «настоящий горьковский герой – не крестьянин, не интеллигент, не рабочий и даже не купец, а – «озорник», тип не социальный, а психологический – человек странный, корявый, ни на что не похожий, «выломившийся» из своего класса, своего слоя, страты. [Сухих 2007: 90]. Именно таковы герои «Рассказов 1922–1924 гг.», рассказывающие (основной тип повествования в сборнике – «рассказывание» своей жизни автору). Это возможный насильник и убийца, ставший почти святым в глазах людей, приходящих к нему за утешением и исцелением, с чьей оценкой, видимо, согласен автор: «Это – святой человек, обладающий сокровищем безмерной любви к миру?» («Отшельник») [Горький 1952: 29]. Это Торсуев, посвятивший свою жизнь среднего дарования актрисе провинциальных театров («Рассказ о безответной любви»), вызывающий авторское удивление: «несомненно, это был какой-то чудак. Чудаки украшают мир. Я решил познакомиться с ним ближе, это мне удалось, и вот что рассказал странный человек» [Горький 1952: 32]. Макаров из «Рассказа о герое» интересуется Горького как личность, живущая страхом: перед тараканами, перед революцией, перед людьми, перед смутой жизни, прислоняющийся к сильной стороне и ставший убийцей, как наименее опасным занятием в жизни: «Около года я сидел в тюрьме. Там познакомился с группой бандитов, это освободило меня из тюрьмы и дало мне место агента уголовного розыска. Убивал людей, – это делается очень просто. Теперь я сам бандит. Могу быть палачом. Все равно» [Горький 1952: 107]. В «Рассказах 1922–1924 гг.», которые нередко и справедливо рассматривают как предтечу «Жизни Клима Самгина» [Вайнберг 1971; Роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина» – роман века 2020]

отчетливо осуществлено горьковское убеждение в том, что есть на Руси «краснобаи, которые теряют тонкую нить правды в хитром сплетении речи (...), способные магической силой своей прикрыть грязную и преступную ложь...» [Горький 1952: 9], а «есть люди, у которых вместо души – популярная библиотека» [Горький 1952: 37]. Здесь есть смысл вспомнить реплику, брошенную Л. Н. Толстым: «Ума вашего я не понимаю, очень запутанный ум» [Горький: URL] и согласиться с тонким замечанием С. Сухих: «...его духовный мир – вихрь идей самых разнообразных, которые, если верить М. Бахтину, не согласовывались и даже не сочетались, а “перемежались”» [Сухих 2007: 52].

Писателя XXI века также интересуют герои, выламывающиеся из средней психологической нормы, достаточно вспомнить Лавра, с его даром врачевания / духовного исцеления. Евг. Водолазкин, будучи профессиональным филологом, в интервью на разнообразных каналах (от «Культуры» до «Живого гвоздя») достаточно четко представляет свою интерпретацию романа, начиная с истории создания до авторской концепции. Как отмечалось выше, импульсом послужила работа А. Лурия «Маленькая книжка о большой памяти», посвященную исследованию феномена знаменитого мнемониста Соломона Шерешевского, бросившего журналистику ради выступлений на сцене, где он мог продемонстрировать свои уникальные способности. Этот эпизод из биографии уникама станет основной сюжетной коллизией одной из частей романа «Чагин». Любопытно, что писатель не акцентирует на этом внимания ни одного из интервьюеров, но подчеркивает важность информации о результатах тридцатилетних исследований-наблюдений над механизмом запоминания мнемониста и выработкой техники забывания, жизненно необходимой уникамам, обладающим способностью запоминать любой текст. Работа «Маленькая книжка о большой памяти» стала источником, во-первых, двух героев романа – самого Чагина и профессора, исследователя его дара, во-вторых, важнейших дихотомий романа: техника запоминания vs техника забвения; запоминание vs понимание. Неоднократно и это, видимо, важно для Евг. Водолазкина, он объяснялся по поводу обложки и названия книги. Две открытки, связанные с авангардом 1930-х годов, ставшие обложкой, дают возможность автору с благодарностью вспомнить о своем учителе, Д. С. Лихачеве, поскольку куплены они были в букинистическом магазине на деньги, которые выделил ученый свои молодым коллегам, а «парень, отдающий честь» сразу был назван Чагиным, возвращаясь домой, по словам автора, хорошо сказать: «Привет, Чагин!». Не было сомнения ни в имени героя, этимология которого проста: чага – чёрный березовый гриб, лечебные свойства которого имеют свои весьма серьезные и возможные побочные явления, ни в названии книги по фамилии героя, косвенно указывающего на его неоднозначность.

Развитие действия обоих произведений подчинено скрупулезному исследованию причин того,

что толкает человека стать провокатором в случае с Караморой, осведомителем в случае с Чагиным. Однотипна завязка сюжета: момент вербовки Караморы жандармом царской охранки, Чагина двумя сотрудниками Центральной городской библиотеки. Оба героя констатируют необыкновенную простоту, чуть ли даже не естественность, с которой они пошли на сделку со своей совестью. Карамора признается, что после разговора-сделки с начальником охранного отделения сам был удивлен тем, с какой «быстротой и легкостью, это решение возникло, – оно явилось также естественно и просто, как возникает желание спать, гулять, выпить воды» [Водолазкин 2022: 154]. Признается и в том, что «невольные попытки самооправдания мешают мне открыть главное, чего я ищущу: почему в душе моей не нашлось ни свиста, ни звона, ни крика, ничего, что остановило бы меня на пути к предательству? И почему я сам себя не могу осудить? Почему, называя, сознавая себя преступником, я, по совести, не чувствую преступления?» И вновь: «Я уже писал: я беспощадно нахлестывал себя, чтоб дойти до ответа. Я выдал охране и отправил на каторгу одного из лучших партийных товарищей, человека на редкость хорошего. Я очень уважал его за чистоту души, за бодрость духа, неутомимость в работе, добродушие и веселый характер. Он только что бежал из тюрьмы и третий раз работал нелегально. Выдал я его и ждал, что теперь в душе моей что-то взвывает. Ничего не вышло» [Горький 1952: 159]. Для героя Водолазкина в момент вербовки главным мотивом согласия был испуг, вызванный с мыслью о том, что ему, мальчику из Иркутска, моментально можно потерять все, что он успел полюбить за годы учебы в Ленинградском университете: «Исидору казалось, что ключи готовы были сорваться с его пальца и навеки кануть в Неву. А с ними – та ленинградская жизнь, которая его так манила. Он не очень понимал, на что дал согласие. А, может, и понимал, но не хотел себе в этом признаться» [Водолазкин 2022: 49–50]. Позже, как фиксирует его друг Эдвард Григ, конферансье, артист, партнер Чагина на сцене, «Упомянув о Шлимановском кружке, Исидор неожиданно сказал: – Очень легко стать предателем. Незаметно стать предателем. Я им стал. Я тогда не понял, кого предал Исидор. Подумал, что он, должно быть быстро пьянеет. – Может, это и не предательство – если незаметно? Из темноты донеслось: – А потом ничего не поправишь и не объяснишь» [Водолазкин 2022: 242–243].

Безусловно, для писателей важен социально-исторический контекст, так или иначе связанный с осязаемым «политическим брожением» в обществе. У Горького это предреволюционное и собственно революционное время, эпоха нарастающего противостояния охранительных порядков сил и сил, разрушающих его. В романе Водолазкина, с характерной для него временной протяженностью, зафиксированы общественные умонастроения «оттепели» – «застоя» – «перестройки». Фактически в характерах героев – Караморы и Чагина – показаны два типа реакции человека на время

«турбулентности»: авантюрно-волевой и пассивно-рефлексирующий.

Весь текст рассказа Горького «отдан» герою, что дает ему право «прямоговорения», четких формулировок и самооправдательных формул: «Есть теория добра: евангелие, коран, талмуд, еще какие-то книги. Должна быть и теория зла, теория подлости. Должна быть такая теория. Все надо объяснить, все, иначе – как жить?» [Горький 1952: 161]; «Под “душой” я понимаю жизнь, возвышенную до безумия, так сказать, – верующую мысль, которая навсегда и неразрывно связана с волей. Суть моей жизни, должно быть в том, что такой “души” у меня не было, а я этого не понимал» [Горький 1952: 153]; «Если жизнью командуют игроки и охотники, – что же может помешать мне играть ими и самим собой?» [Горький 1952: 157]; «Я первый открыл, что у человека нет сил протестовать против подлости в себе самом, да и не надо протестовать против нее: она – законное и действительное орудие взаимной борьбы» [Горький 1952: 162]; «А может быть, настало время сделать все возможные подлости, совершить все преступления, использовать сразу всё зло, для того чтоб, наконец, всё это надоело, опротивело, ужаснуло и погубило?»; «И чья это затея – жизнь? В сущности: дурацкая затея» [Горький 1952: 167]; «... свобода проявления чувств делает человека зверем или подлецом, если он не догадался родиться святым. Может быть, слепота – это и есть святость?» [Горький 1952: 169].

Если Карамора пишет свою, возможно, предсмертную Исповедь, то дело всей духовной жизни Исидора – ведение Дневника, который становится своеобразным героем разыгрываемой драмы, героем, так и остающемся за сценой. Название первой части – «Дневник Чагина» – начало игры автора в взаимозаменяемость реальности и вымысла, поступка и слова об этом поступке. Дневник Исидора исчезает и дан в достоверном (?) / недостоверном (?) пересказе Павла Мещерского, молодого ученого, разбирающего архив мнемониста. Павлом же цитируется написанная гекзаметром автобиографическая поэма «Одиссей», в которой, к удивлению Мещерского, «Чагин зачастую описывает небывшее и, наоборот, не упоминает о бывшем. Там, например, нет предательства им Шлимановского кружка. История кружка есть, а предательства нет» [Водолазкин 2022: 333]. Таким образом, в отличии от героя рассказа Горького, история предательства героя романа представлена не путем череды самопризнаний и самооправданий, но отражена в зеркалах людей, присутствующих Чагину в разные периоды его жизни: большим сознанием Ивана Ивановича (часть вторая «Операция “Биг-Бен”»), воспоминаниях Эдварда Грига (часть третья «Незабываемое»), переписке Павла и Ники (часть четвертая «Лета и Эвняя»).

В обоих произведениях феномен предательства связан с мотивами игры, недостоверности реальности, мистификации и – основным – мотивом двойничества. По отношению к Караморе, бывшим, как Азеф, двойным, а порой, и тройным агентом в своей провокаторской деятельности,

двойничество, вернее, раздвоение личности, во-первых, реализовано в настойчиво-навязчивых мучительных размышлениях о том, где он настоящий, сын «большого, доброго, очень веселого слесаря»: «Да, я пишу. Не для того пишу, чтоб вытянуть несколько лишних дней жизни в тюрьме, а – по желанию третьего. Живут во мне, говорю, два человека, и один к другому не притерся, но есть еще и третий. Он следит за этими двумя, за распрей их и – не то раздувает, разжигает вражду, не то – честно хочет понять: откуда вражда, почему?»; «Это он и заставляет меня писать. Может быть, он и есть подлинный я, кому хочется понять всё или хоть что-нибудь. А может быть, третий-то – самый злой враг мой? Это уж похоже на догадку четвертого»; «В каждом человеке живут двое: один хочет знать только себя, а другого тянет к людям. Но во мне, я думаю, живет человека четыре, и все не в ладу друг с другом, у всех разные мысли. Что бы ни подумал один – другой возражает ему, а третий спрашивает: “Это вы зачем же спорите? И что будет из вашего спора?”»; «Есть, пожалуй, еще и четвертый, этот спрятался еще глубже третьего и – молчит, присматривает зверем, до времени тихим. Может быть, он и на всю мою жизнь останется тих и нем, спрятался и равнодушно наблюдает путаницу» [Горький 1952: 137–138]. Во-вторых, своеобразными двойниками Караморы являются герои, по крайней мере двух рассказов сборника: уже упомянутый Макаров из «Рассказа о герое», переходивший от одной силы к последующей и предававший тех, кто власть утратил. Тот же путь избирает Яков Зыков из завершающего сборник «Рассказа о необыкновенном», тактика жизни которого, по мнению Н. Л. Лейдермана, «в революционном карнавале» себя оправдала: «Горький нашел выразительный способ – через смену фамилий персонажа обозначить ступени витиеватого пути его наверх. Сначала из-за описки в “пачпорте” Зыкова записали Языковым, потом, в тюрьме, воры в насмешку переименовали “Языкова” в “Язёва” – “потому что у тебя морда рыба”. Наконец, в партизанском отряде командир иронически величал его, своего подручного, “Язёв – Князёв”. А ведь в итоге “Язёв-Князёв” и в самом деле стал Князевым – он восседает в княжеском дворце в столице России. Теперь он – новый хозяин державы» [Лейдерман 2008: 122].

В романе Евг. Водолазкина «разыгрывается» множественность возможных биографий Исидора, а также складывается и реализуется сложная система двойников, связанная как с развитием основных сюжетных линий, так и задающая его проблемно-тематическое разворачивание. Линия главного героя Чагина поддержана системой прототипов / сопоставлений: Шерешевский (остаётся за рамками текста) – Шлиман – Одиссей – Дефо. Дар Шерешевского «отдан» Чагину, но интерпретирован как дар и как наказание. Здесь, возможно, находится главный смысловой нерв романа: настоящее человека длится не более трети секунды, будущего нет, таким образом, есть только прошлое, которое существует в памяти человека и/или наро-

да, то есть становится историей (судьбой) человека и/или народа. Прямой вопрос романа: всё ли в истории нужно сохранять и всё ли в ней сохраняется. Заглавная тема сопровождается системой вариаций: темой пути (так возникает отсыл к Одиссею, заданный уже эпиграфом из И. Бродского: «Мой Телемак, Троянская война окончена. Кто победил – не помню»), темой фантазии, вымысла, точнее – забвения реальности и замещении ее своей фальсификацией, строящейся не столько на лжи, сколько на умении забывать и мечтать. И здесь полноправно действующим героем в романе становится Шлиман, человек, создающий свою историю, свою биографию, Трою нашедший и Трою разрушивший. Недвусмысленно встает проблема: что реальнее, действительность или смоделированная памятью история ее, всегда ли сохраненная в памяти биография есть отражение действительно бывшего в ней или это почти всегда мифологизация пройденного пути? Существует только то, что мы помним и что зафиксировано словом? Релятивизация мира настойчиво ведет к пониманию его зыбкости, относительности, двойственности. Павел Мещерский, исследуя Дневник Чагина, начинает ощущать себя его повторением. Обоих героев окружают женщины, с ними разрывающие и возвращающиеся к ним, одна из них – Вера, другая Ника, создают одну модель поведения, которая складывается в единое имя Вероники. Николай Николаевич и Николай Петрович, служащие в определенной организации и провоцирующие героя на доносительство на первых порах почти также неразличимы, как Добчинский и Бобчинский, но потом двойничество оборачивается контрастом. Так параллельно с двойниками возникает система кривых зеркал: Исидор – Григ, Николай Иванович – Николая Петрович, Павел Мещерский – начальник библиотеки, Чагин – Альтов, Ника – дочь Веры, Николай Петрович – автор «Лавра» с его любовью к древнерусскому стилю. Возникает система биографических вариаций одной судьбы. 1. История Иркутского мальчика Исидора Чагина, воссоздаваемая Павлом Мещерским по памяти исчезнувшего Дневника героя. 2. История Иркутского мальчика Исидора Чагина, созданная безумным воображением Николая Ивановича (для «внедрения» в Британскую библиотеку с целью вернуть в Россию принадлежавший ей ценнейший артефакт). 3. История Чагина, рассказанная его напарником по сцене Григом. 4. История Чагина и его возлюбленной частично рассказанная, частично записанная Никой. 5. История Чагина – написанная им гекзаметром поэма об Одиссее.

Многоверсионность биографии и разветвленная система двойников служат прояснению главной проблемы романа и его героя: «неразличение фантазии и действительности», которое «случалось у Чагина не только во сне. Крепко задумавшись, он, бывало, уходил в другую реальность, которая, выражаясь словами учебника философии, не была дана в ощущениях. Являвшееся Чагину в воображении оказывалось ярче и убедительнее реально-

сти существующей. Чего греха таить – в эти путешествия Исидор отправлялся с большой охотой. Не то ли происходило с Шлиманом, когда он записывал свои фантазии в дневнике?» [Водолазкин 2022: 103]. История предательства тоже могла «уйти» из действительности, «стершись из памяти. И на первый взгляд, она является только некой отправной точкой в развитии истории героя, не случайно критики последнего романа Евг. Водолазкина (а также многочисленные интервьюеры), не останавливаются на ней особого внимания, полностью сосредоточившись на вопросах памяти / забвения [Башмакова: URL; Белоусова 2024; Визель: URL; Петухова 2024; Пророков 2022]. Однако сам писатель, возвращается к ней последовательно, постоянно и в разных аспектах. Так, он время от времени, почти в виде реплик предлагает примеры разных мотивировок и вариантов доносительства. Это дядя Костя в Ленинградском дворе-колодце, испытывающий радость от зависимости от него других людей, дворник, которого боялись и заискивали, поскольку «невзлюбив кого, этот дядя не отказывал себе в том, чтобы поделиться с компетентными органами своими сомнениями касательно благонадежности жильца. Так что дяде Косте все, в общем, старались понравиться» [Водолазкин 2022: 209]. Это художник Завирюха, «большой начальник в области изобразительного искусства» к доносительству ведет зависть к талантливым художникам, в результате чего он получает кличку Завидюхин, а от «корпулентной дамы с палитрой в руках» слышит пророчество: «Завистливое око видит далёко, – задумчиво сказала Муза. – Если не перестанешь клепать доносы, сгоришь. Превратишься в кучу пепла» [Водолазкин 2022: 229]. Это и главврач психиатрической больницы, действующий из страха: «главврач вашу тетрадку сфотографировал и послал в компетентные органы (...) Есть вещи, которые непозволительны даже в психдиспансере» [Водолазкин 2022: 235]. В этом ряду два образа романа имеют особой значение для Чагина. Во-первых, это Д. Дефо, «фигура сомнительная, доносчик и интриган» [Водолазкин 2022: 158], о котором делается специальный доклад в Шлимановском кружке, вызвавший бурные споры о том, может ли гениальный «Робинзон Крузо» оправдать автора. У Чагина (как у членов кружка, так, видимо, и у автора) нет точного ответа на этот вопрос, но именно Дефо вызывает у героя смутные чувства, странным образом соотносимые с собственным поступком: «В постоянном предательстве Дефо Чагину виделось своего рода вдохновение, не имевшее отношения к обычной корысти. Мутная, заволагующая поэзия измены» [Водолазкин 2022: 109]. Во-вторых, это уже не герой культуры, но герой романа Альберт, прямо Чагину противопоставленный. Альберт – предатель, упивающийся своим предательством, наслаждающийся ложью, двойной игрой и способностью манипулировать другими людьми. Альберт – приверженец и практик «теории подлости», вызывающий брезгливость даже у тех, кто его завербовал: «Вот Альберт умнее вас: всё он только нам рассказывает.

Гнилой, кстати сказать, парень» [Водолазкин 2022: 149]. В момент обыска и ареста членов Шлимановского кружка Исидор испытывает «сердечное смятение, близок к отчаянию» [Водолазкин 2022: 131], Альберт, зная свою безнаказанность, «геройствует»: «В жизни есть минуты, – он посмотрел Вере в глаза, – когда по-другому вести себя просто подло» [Водолазкин 2022: 139]. В романе пунктиром прослежен путь «истинного подлеца», который раз предав, предаёт всю жизнь. Мещерский в финале констатирует: «Альберт был стукачом. Если для Исидора эта история оказалась трагической ошибкой, то этот тип стучал на Шлимановский кружок вдохновенно. Исидор мучился этим, а Альберт вполне себе процветал» [Водолазкин 2022: 343].

Как уже было замечено, в рассказе и романе одинаков избранный способ характера организации повествования: писатели конструируют текст по принципу потока чужого сознания. И если Горький в некоторых рассказах сборника может предварить или завершить рассказанную ему историю жизни (см., например, «Отшельник», «Рассказ о необыкновенном»), то в «Караморе», автор подчеркнуто самоустраивается, изначально передавая повествование своему герою. Более того, рассказ Горького предваряет 6 (!) эпиграфов, по-разному трактующих как предательство, так и подлость; «Вы знаете: я способен на подвиг. Ну, и вот также подлость, – порой так и тянет кому-нибудь какую-нибудь пакость сделать, – самому близкому. Слова рабочего Захара Михайлова, провозгласителя, сказанные им следственной комиссии в 1917 г. «Былое», 1922, кн. 6-я, статья Н. Осиповского. Иногда – ни с того ни с сего – приходят мысли плохие и подлые... Н.И. Пирогов. Позвольте подлость сделать! Один из героев Островского. Подлость требует иногда столь же самоотречения, как и подвиг героя. Из письма Л. Андреева. По обдуманному поступку не узнаешь, каков есть человек, его выдают поступки необдуманные. Н. С. Лесков в письме к Пыляеву. У русского человека мозги набекрень. И. С. Тургенев [Горький 1952: 132].

Евг. Водолазкин «играет» чужими сознаниями, в тексте образ автора создается иным весьма оригинальным способом: тонкой пародией (в части романа, написанной от лица повредившегося в уме Николая Ивановича) на свой стиль романа «Лавр»¹. Однако все движение романного текста свидетельствует, что понимание писателем XXI века способности предать осмысливается в системе «грех – страдание – покаяние – прощение, отпущение грехов». Весьма замысловатое внедрение героя в университетский Шлимановский кружок и грех предательства – только отправная точка в духовном пути героя. Вера, единственная любовь Исидора, в молодости считавшая, что ничто не «может быть оправданием для интриг и доносов», в конце жизни прощает его, поскольку настоящая

¹ Любопытно, что самоирония на себя как писателя, так же как и над литературой в целом, мнящей заменить собой реальность, присуща и Горькому (см. «Рассказ об одном романе», «Репетиция»).

любовь прощает все, даже предательство. Георгий Николаевич Вельский, по доносу Чагина попавший в лагерь, (Исидор приезжал к нему, на протяжении всего срока присылал посылки, деньги), при случайной встрече в знаковом ленинградском кафе «Сайгон» первоначально вскрикнул: «Только я индальгенциями не торгую!» [Водолазкин 2022: 296], на что услышал искреннее: «Я не надеялся на прощение, – тихо сказал Исидор. – И сейчас не надеюсь» ([Водолазкин 2022: 297]. Однако встреча «России сидевшей» и «России сажавшей» завершилась отнюдь не по-Ахматовски: «Неожиданно Вельский положил Исидору на плечи руки и прижался головой к его голове. Постояв так с минуту, оттолкнулся от него и двинулся к двери» [Водолазкин 2022: 298].

А priori для читателя негативная коннотация героя – homo traditor – диктует непеременимость и непреклонность авторской оценки. И если в тщательнейшем исследовании «внутреннего целого души героя» [Бахтин 1979: 89], в создании точного и убедительного психологического портрета «человека предавшего» писатели сходятся, то в оценке сути доноса авторы XX и XXI демонстрируют знаковые для смены эпох различия. В центре внимания первого – теория подлости, второго –

мысль о грехе и возможности искупления.

Только в интервью Сергею Шаргунову (канал «Открытая книга») на прямой вопрос (симптоматично, что вопрос о предательстве Шлимановского кружка и доноса на его членов Чагиным ни один интервьюер, кроме названного, не задал): «Чагин – подлец?», Евг. Водолазкин не менее определенно ответил «Нет, он скорее инфантильный человек, который не понимает последствия своего проступка» [Шаргунов: URL]. При внешнем совпадении фабульно-тематической линии – герой-провокатор, характера повествования – нарочитое самоустранения автора, сложной системе двойников и кривых зеркал, рассказ М. Горького и роман Евг. Водолазкина, написанный ровно через столетие, обнаруживает важнейшее изменение аксиологической системы координат. Для М. Горького абсолютно очевидно: путь предательства – безусловная победа Зла над Добром в человеке. Учитывая опыт М. Булгакова, перенесшего в своем заклатном романе традиционный конфликт Добра и Зла в сферу исследования взаимоотношения Справедливости и Милосердия, писатель первой четверти XXI века склонен прощать, но не осуждать человека, проведя его путем мучительно-го самоанализа и самоочищения.

Литература

- Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
- Башмакова, М. Евгений Водолазкин: «Миф не ложь, а скорее, наше активное отношение к факту» / М. Башмакова. – URL: <https://www.fontanka.ru/2022/11/02/71786480/> (дата обращения: 07.12.2024).
- Белоусова, Е. Г. Память и забвение в романе Е. Водолазкина «Чагин» в свете проблемы персональной идентичности / Е. Г. Белоусова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 76–79.
- Вайнберг, И. И. «Жизнь Клим Самгина» М. Горького: Историко-литературный комментарий / И. И. Вайнберг. – М. : Просвещение, 1971. – 381 с.
- Визель, М. Евгений Водолазкин: «Личность – это память» / М. Визель. – URL: <https://godliteratury.ru/articles/2022/10/27/evgenij-vodolazkin-lichnost-eto-ramiat> (дата обращения: 05.12.2023).
- Водолазкин, Е. Чагин / Е. Водолазкин. – М. : Издательство «АСТ»; Редакция Елены Шубиной, 2022. – 378 с.
- Горький, М. Собрание сочинений : в 30-ти т. Т. 16. Рассказы, повести. 1922–1925 / М. Горький. – М. : Художественная литература, 1952. – 603 с.
- Горький, М. Лев Толстой / М. Горький. – URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/vospominaniya/v-...> (дата обращения: 17.09.2024).
- Лейдерман, М. Непрочитанный Горький / М. Лейдерман // Урал. – 2008. – № 7. – С. 122–129.
- Петухова, Е. Н. В плену памяти (роман Евг. Водолазкина «Чагин») / Е. Н. Петухова, О. И. Митрофанова, Е. В. Ардагова // Русская литература в иностранной аудитории : мат-лы XV межд. науч.-практ. конф. «Язык русского текста как инструмент межкультурного диалога на занятиях в иностранной аудитории. 17 ноябр. 2023. Вып. 12. – СПб. : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. – С. 51–61.
- Пророков, М. «Чагин, чудо памяти» / М. Пророков // Коммерсант. – 2022. – 31.10. – № 202.
- Роман М. Горького «Жизнь Клим Самгина» – роман века. Современный взгляд : сборник научных статей. – СПб. : РГГУ – РХГА, 2020. – 356 с.
- Сухих, С. И. Заблуждение и прозрение Максима Горького / С. И. Сухих. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Нижний Новгород : Издательство ООО «Поволжье», 2007. – 216 с.
- Шаргунов, С. Интервью. Евг. Водолазкина «Чагин. “Открытая книга”» / С. Шаргунов. – 2024. – URL: shargunov.com/video/evgeniy-vodolazkin-chagin.html (дата обращения: 15.10.2024).

References

- Bakhtin, M. M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo. 423 p.
- Bashmakova, M. *Evgenii Vodolazkin: «Mif ne lozh', a skoree, nashe aktivnoe otnoshenie k faktu»* [Evgeniy Vodolazkin: «A Myth is not a Lie, but Rather Our Active Attitude Towards a Fact»]. URL: <https://www.fontanka.ru/2022/11/02/71786480/> (mode of access: 07.12.2024).

Belousova, E. G. (2024). Pamyat' i zabvenie v romane E. Vodolazkina «Chagin» v svete problemy personal'noi identichnosti [Memory and Oblivion in E. Vodolazkin's Novel "Chagin" in the Light of the Problem of Personal Identity]. In *Vestnik YuUrGU. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»*. Vol. 24. No. 4, pp. 76–79.

Gorky, M. (1952). *Sobranie sochinenii: v 30-ti t.* [Collected Works, in 30 vols.]. Vol. 16. Rasskazy, povesti. 1922–1925. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 603 p.

Gorky, M. *Lev Tolstoy* [Lev Tolstoy]. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/vospominaniya/v-...> (mode of access: 17.09.2024).

Leyderman, M. (2008). Neprochitannyy Gor'kii [Unread Gorky]. In *Ural*. No. 7, pp. 122–129.

Petukhova, E. N., Mitrofanova, O. I., Ardatova, E. V. (2024). V plenu pamyati (roman Evg. Vodolazkina «Chagin») [In Captivity of Memory (Novel by Evg. Vodolazkin "Chagin")]. In *Russkaya literatura v inostrannoi auditorii: mat-ly XV mezhd. nauch.-prakt. konf. «Yazyk russkogo teksta kak instrument mezhkul'turnogo dialoga na zanyatiyakh v inostrannoi auditorii. 17 noyabr. 2023. Issue 12.* Saint Petersburg, Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena, pp. 51–61.

Prorokov, M. (2022). «Chagin, chudo pamyati» ["Chagin, Miracle of Memory"]. In *Kommersant*. No. 202.

Roman M. Gor'kogo «Zhizn' Klima Samgina» – roman veka. *Sovremennyi vzglyad* [M. Gorky's Novel "The Life of Klim Samgin" is the Novel of the Century]. (2020). Saint Petersburg, RGGU – RKhGA. 356 p.

Shargunov, S. (2024). *Interv'yu. Evg. Vodolazkina «Chagin. "Otkrytaya kniga"»* [Interview. Evg. Vodolazkina "Chagin. 'Open Book'"]. URL: shargunov.com/video/evgeniy-vodolazkin-chagin.html (mode of access: 15.10.2024).

Sukhikh, S. I. (2007). *Zabluzhdenie i prozrenie Maksima Gor'kogo* [Misconception and Epiphany of Maxim Gorky]. 2nd edition. Nizhny Novgorod, Izdatel'stvo OOO «Povolzh'e». 216 p.

Vainberg, I. I. (1971). «Zhizn' Klima Samgina» M. Gor'kogo: *Istoriko-literaturnyi kommentarii* ["The Life of Klim Samgin" by M. Gorky: Historical-literary Commentary]. Moscow, Prosveshchenie. 381 p.

Vizel, M. *Evgenii Vodolazkin: «Lichnost' – eto pamyat'»* [Evgeniy Vodolazkin: "Personality is Memory"]. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2022/10/27/evgenij-vodolazkin-lichnost-eto-pamiat> (mode of access: 05.12.2023).

Vodolazkin, E. (2022). *Chagin* [Chagin]. Moscow, Izdatel'stvo «AST», Redaktsiya Eleny Shubinoi. 378 p.

Данные об авторе

Снигирева Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; ведущий научный сотрудник, сектор истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16.

E-mail: tas0905@rambler.ru.

Author's information

Snigireva Tatyana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Leading Researcher, Department of the History of Literature, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 09.12.2024; дата публикации: 28.03.2025

Date of receipt: 09.12.2024; date of publication: 28.03.2025